

К 210-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
«ОТЕЧЕСТВО МОЁ РОССИЯ»
В. ДАЛЬ.

Автор статьи
Ирина Николаевна Иванова

РОССИЯ И ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ ДАЛЬ...

Заглядывая в даль, вспомним, что создатель знаменитого Толкового словаря живого великорусского языка называл своим Отечеством Россию. История доказала, что его Слово о словах вечно в памяти народной. Однако далеко не каждый сегодня знает, чем ещё знаменит «наш Леонардо да Винчи». И в XXI веке пора наконец сказать наше Слово благодарности. Давно пришло время вспомнить, что Владимир Даль, не русский по крови, был усыновлён Россией за подвижническую деятельность, за талант, за страстную преданность русскому народу.

Мемуарных свидетельств о В.И. Дале сохранилось немного, да и они недостаточно системно осмыслены. Первое развёрнутое жизнеописание сделано П.И. Мельниковым-Печерским. Драгоценны россыпи высказываний русских писателей и других современников (Н. Пирогова, И. Аксакова). Много узнаём от академика Я.К. Грота, с которым Владимир Иванович состоял в доверительной переписке. Есть только начатая «Автобиографическая записка» и крупницы о себе в журналах XIX века. Публикация воспоминаний, увлекательно написанных дочерью Екатериной Владимировной в «Русском вестнике» 1879, к сожалению, безвозвратно прерывается. Возможно, из-за резкой критики мемуаров со стороны соученика Даля по Морскому кадетскому корпусу Д.И. Завалишина. Дошли до нас и некоторые сведения от дочерей Марии и Ольги.

Из известных источников перед нами встает удивительная фигура истинно русского человека по воспитанию и убеждениям, уверенного в том, что «ни прозвание, ни вероисповедание, ни сама кровь предков не делают человека принадлежностью тому или иному народу». Все предки Даля были иностранцами. К моменту появления на свет Владимира у датчанина Иоганна Даля уже были дети: две дочери Паулина, Александра и сын Карл. В это время отец Владимира служил врачом при заводе в Лугани (Луганск). Бабушка Мария Христофоровна и мать Юлия Фрейтаг — немки. Бабушка известна как переводчица на русский язык немецких драм и поэм.

Время показало, что не национальность определила принадлежность «великого подвижника Русского слова и Русской мысли» (П. Бартев) к русскому народу, а дух, состояние души, горячее желание ощутить себя русским, быть полезным, причастным к судьбе народа.

Из достоверных источников можно представить себе характер Владимира Ивановича Даля, нравственные качества, свойства души и сердца. Так, будучи управляющим удельной конторой в 50-е годы XIX века в Нижнем Новгороде, он с настойчивостью и упорным постоянством продолжает пополнять запасы Словаря и будущего сборника пословиц. Во время объездов имений Даль часто встречается с крестьянами, живо интересуясь их бытом, хозяйством, таким образом, постигая родник словесный, народную сокровищницу мудрости, русский язык.

«И как любил народ ласкового всегда справедливого, а в случае надобности и строгого управляющего!.. Его слова для крестьян были законом не ради страха, но ради любви и доверия. Крестьяне верить не хотели, чтобы Даль был не природный русский человек. «Он ровно в деревне взрос, на палатах вскормлен, на печи вспоен», — говаривали. И как он хорошо себя чувствовал, как доволен был, когда находился среди доброго и толкового нашего народа!»¹. Не случайно прозвали его «доточный». То есть искусный, талантливый человек, мог и борону починить, и научить, как не угореть в избе и как сделать, чтобы с окон зимой не текло. Даль умел дать врачебный совет, провести операцию на глазах, вылечить гомеопатическими крупинками не только человека, но и лошадь. Поистине — мастер на все руки!

Преддверием главного труда жизни, Словаря, в 1862 году станет сборник «Пословицы русского народа» с эпиграфом «Пословица несудима», включивший в себя 30 тысяч пословиц, поговорок, загадок, прибауток, народных верований.

Издание «Толкового словаря живого великорусского языка» в 1863–1866 гг. будет всенародным событием. «Условием для совершения такого обширного труда было скромное сознание автором меры своих сил и той доли пользы, какую он бы мог принести русскому языку» (Я. К. Грот).

Почти полвека понадобилось одному человеку, чтобы создать Словарь, четырехтомный словарь по 330 листов каждый том. В итоге в него входит около 200 тысяч слов. Перед выходом труда в печать приходилось нечеловечески работать, иногда до обмороков, случалось вносить от 14 до 19 корректур. Набор осуществлялся в несколько шрифтов. Таким был этот великий труд.

Проницательный И. С. Тургенев в грустный день ухода из жизни великого лексикографа заметил: «Он оставил за собой след: «Толковый словарь» и мог сказать «Egegi monumentum». Снова — к Пушкину. Сомкнулось кольцо...».

И вот картина из жизни писателя — будто послание свыше. За две недели до окончания Словаря в Москву приезжает навестить Даля Иван Сергеевич Аксаков, входит в кабинет, «широко распростёр руки, обнял старика и сказал словами Пушкина:

Еще одно последнее сказанье
И летопись окончена моя.
Исполнен долг, завещанный от Бога...»².

Чем не символическая сцена... Рукописи не горят!

И сегодня, сквозь даль времен, в XXI столетии, можно утверждать, что «назначенье ему (Владимиру Ивановичу Даля) было высокое», назначенье на русской земле «быть, а не слыть». Делами человек славится.

Нелегко уловить тайну харизматической личности, обладающей даром самому впитывать русскую культуру, русский дух, и притягивать к себе. Удивительной была у Даля природная интуиция, да и сама судьба подчас посылала свои знаки в самые разные моменты жизни. И что особенно важно: он был человеком со своей жизненной позицией. Как же в разных ситуациях проявлялся характер, принимались решения, как происходило осознание себя русским? Владимира Ивановича Даля не только усыновила Россия, но и привлекла «к разработке своих умственных богатств»³.

Писатель Казак Луганский не по-русски относился к труду. Это свойство видим мы в «настойчивом движении к цели, в правильном распределении работы; «ни лени, ни уныния, не ищет одолеть задачу сразу, приступом или запоем..., но которое (свойство) является действием высокого самообладания... Моряк, медик, механик, чиновник, практик, во всем бывалый, — таков был этот собиратель живого народного слова»⁴.

Вот ещё несколько картин из далевской жизни, позволяющих убедиться в верности слов современника и представить облик В. И. Даля, понять, как формировалась личность, какова роль семьи в воспитании её, каково значение обстоятельств, иногда закономерных, иногда случайных, часто судьбоносных!

В семье Иоганна Даля не было гувернёров. Володе их заменяла поначалу нянька Соломонида, которая ему рассказывала сказки. Стало быть, слышал он не только немецкую речь, но и русскую.

К 1812 году, когда семья перебралась в Николаев (теперь отец — генерал штаб-доктор Черноморского флота), в образовании детей уже помогают учителя математики и рисования из штурманского училища. Дети сами ходят к ним.

Патриотические чувства отца заставляют сокрушаться о том, что дети еще молоды и не могут встать на защиту Родины. Каждый почтовый день посылает он сына на базар. В такой день курьер кричал на всём скаку содержание привезенных им депеш⁵, что заменяло собою телеграммы последних известий военных действий. Очевидно, принесённые новости живо обсуждались в семье.

Для Даля были святы «навек нравственные правила», прививаемые родителями. Он всегда отличал ум, силу воли, убеждения отца. Умение и навыки сызмальства прививает детям мать, обучая одинаково сыновей и дочерей, направляя всегда на прикладную, дальнюю жизнь», именно она учит «зацеплять всякое знание, какое встретится в пути; никак нельзя сказать вперед, что в жизни пригодится...».

Пятилетнее пребывание в Морском кадетском корпусе в Петербурге оставило мало положительных эмоций. «Всякая забава или занятие, кроме научного, были запрещены... Следовало наказание», — вспоминал Даль.

Черты внешнего облика того времени можно легко угадать в главном герое повести «Мичман Поцелуев». Правда, его отец почему-то русский, но мать тоже немка. На фоне мрачной кадетской жизни были и светлые проблески, как-то: воскресные отпуска к родственникам в Петербург, редкие письма родных. С матерью Даль переписывался на немецком языке, с сестрой Паулиной — по-французски. Именно она помогала Владимиру усвоить французский, так как за все годы обучения в корпусе кадет «почти никогда (он) не видел своего французского учителя»⁶, зато обогатился кадетским жаргоном.

Будучи внимательным к слову, уже тогда юноша задумывается над тем, почему образованные люди не говорят, как простолюдины. Позже в «Напутном слове» к Словарю Даль напишет: «Недоверчивость была основана на том, что я всюду встречал в русской грамматике латинскую и немецкую, а русской не находил».

Самые же радостные воспоминания остались от летних учебных плаваний, хотя Владимира угнетала морская болезнь. Особенно памятно было путешествие в Швецию и Данию с их дворцами, кабинетами редкостей, старинными постройками и памятниками. Путешественник все замечал, запоминал и записывал в дневник весело и с юмором.

Став взрослым, Даль считал плавание 1817 года «одним из самых любимых воспоминаний»⁷. Можно себе представить, с каким трепетом юноша ждал встречи с Данией, родиной предков. Но русская земля стал для него родной. «Ступив на берег Дании, я на первых порах окончательно убедился, что нет у меня ничего общего с отчизною моих предков»⁸. Не это ли открытие утвердило Владимира в том, что он уже чувствует себя русским по духу, по судьбе?!

По окончании корпуса (двенадцатый из восьмидесяти шести) в 1819 году В. И. Даль назначен в Николаев. Как известно, по дороге в Москву юный мичман запишет слово «замолаживает», услышанное от ямщика. Вероятно, с него и начинается великий труд всей жизни — составление Словаря.

Служба, увы, не доставляет радости, удовлетворения. Отслужив нужный срок, он подаёт в отставку. Отсутствие материальных средств вынуждает стать студентом медицинского факультета Дерптского университета: на медицинские книги тратить не нужно: остались от отца, хотя все мысли его о слове, о словесности.

А впереди опять преодоления, осложнения, бедность. В. И. Даль живет на чердаке, подрабатывает уроками русского языка. Дерпт в те времена больше немецкоговорящий. Латинский язык приходится выучивать самому волевым решением: по 100 слов в день. Совершенствовать французский помогает сестра.

Однако приносит счастье студенту круг общения, в него входят профессор Мойер, семья Зонтаг, Языков, Воейков, который печатает в журнале

«Славянин» стихи Даля, часто наезжает Жуковский. Отношения между преподавателями и студентами складываются теплые, доверительные. Бытует любопытный факт. В. И. Даль — натура увлекающаяся — много лет спустя во время спиритического сеанса вызовет дух Пушкина, который даст совет не писать стихи. А об этом знали только двое. И в самом деле — стихотворные опыты начинающего писателя были неудачны.

Счастлив был Владимир и в товарищах (Н. Пирогов, Иноземцев). Пирогов называет его «замечательным человеком», «мастером на все руки». «Со своим огромным носом, умными серыми глазами, всегда спокойный, слегка улыбающийся». Даль умел подражать голосам, жестам, мимике, был талантливым комиком. «Подражал звукам (жужжанию мухи, комара...) до невероятия верно...»⁹. А еще был послан Далю дар, и в этом он не раз убеждался, «по какому — то чутью искал знакомства и товарищества с лучшими людьми»¹⁰. Как видим, действительно «студенческая жизнь осталась одним из самых светлых воспоминаний»¹¹.

В 1829 году в связи с войной с турками способных студентов допускают до экзаменов. Даль с честью выдерживает их не только на степень доктора медицины, но и на доктора хирургии. С марта этого года зачислен во вторую действующую армию ординатором. И молодой врач попадает в пекло боёв. Даля всегда интересуют русское слово, говоры. «Давно образовалась в нем привычка записывать пословицы или слова, которые он в первый раз слышит, «решил передать со временем их какому-нибудь составителю словаря или академии», — вспоминала Екатерина Владимировна. Уже к этому времени накопилось столько записей, что для имущества понадобился вьючный верблюд, и вдруг примерно за два перехода до Адриополя животное пропало. Очень горевал Даль, считая, что осиротел.

Но, не знак ли Божий! Через несколько дней казаки отбили где-то и вернули никем не развьюченного верблюда. Так вернулись рукописи, которыми Владимир Иванович стал еще больше дорожить. Кто знает, может, тогда и пришли на ум мысли, высказанные на закате дней дерптским друзьям, требовавшим от него ясного ответа, кто он — русский или немец. «Чем же можно определить принадлежность духа? Конечно проявлением духа — мыслью. Кто на каком языке думает, тот к тому народу принадлежит. Я думаю по-русски».

Довелось Далю быть после турецкого похода и в польской кампании, в которой проявились совсем другие способности. Так, спасая людей, за несколько дней без всякой инженерной помощи он построил мост через Вислу. Как только переправились войска, он разрушил мост, едва успев спастись сам. За этот подвиг В. И. Даль будет награжден Владимирским крестом с бантом.

По окончании Польской войны Даль переведен ординатором в военный госпиталь в Петербурге. К этому времени Владимир Иванович давно уже не только думает по-русски, но и пишет. Первый рассказ «Цыганка» напечатан в 1830 году в журнале «Московский телеграф», оцененный Н.А. Полевым как «превосходное сочинение». Но и теперешняя служба гнетет

будущего даровитого литератора. С одной стороны, разочарование в медицине, с другой — формализм, госпитальные порядки.

Литературный мир столицы распахивает перед Далем двери скорее всего благодаря новой встрече с В.А. Жуковским, позже общению с А.С. Пушкиным. Знакомится Владимир Иванович и с Крыловым, Дельвигом, Одоевским, Гоголем. Однако вхождение в литературу способного, но бескомпромиссного человека окажется далеко не безболезненным. В 1832 году выходят «Русские сказки. Пяток первый» Казака Луганского, а III отделение усматривает в них явную сатирическую направленность, насмешку в адрес правительства. И книги изъяты из продажи, а автор арестован во время обхода больных, хотя вскоре освобожден. (Переизданы будут «Русские сказки» только в 1861 году). По всей видимости, выпущен Даль прежде всего из-за военных заслуг. Есть еще версия, что за него заступились Жуковский и профессор Паррот. Эти люди были очень близки императорской семье.

Но нет худа без добра. Запрещение сказок только добавило известности начинающему писателю, ведь сборник получил одобрение самого Пушкина. Один из уцелевших экземпляров Даль подарит поэту. Так встречи с А.С. Пушкиным станут для Даля судьбоносными. Да и «за словарь свой Даль принялся по настоянию Пушкина» (П.И. Бартенев).

В 1833 году Владимир Иванович встречается с поэтом, будучи уже чиновником особых поручений (1833–1841) при военном губернаторе В.А. Перовском в Оренбурге. В это время Пушкин работает над материалом по истории пугачевского бунта. Известно, что по дороге в Бердскую слободу Александр Сергеевич рассказывает приятелю сказку о Георгии Храбром, которая в будущем будет опубликована, Даль в ответ даст сюжет «Сказки о рыбаке и рыбке». Так снова встречаются родственные души.

Через год уже эту сказку со знаменательной, полной глубокого смысла, надписью: «Твоя от твоих Сказочнику Казаку Луганскому — сказочник Александр Пушкин». Уже поэт подарит другу. А в 1835 году в письме губернатору он сообщает: «в память прогулки нашей в Берды посылаю тебе «Историю Пугачева» и, еще... Далю». Эти факты свидетельствуют о горячем участии Пушкина в судьбе начинающего писателя, о его душевном расположении к нему.

В конце 1836 года Владимир Иванович на некоторое время приезжает в столицу. Когда же узнает о роковой дуэли, неотлучно дежурит у постели раненого. Очевидец в записке «Смерть А.С. Пушкина» пишет: «Я приблизился к одру смерти и не отходил от него до конца страшных суток. В первый раз сказал он мне ты, — я отвечал ему так же и побратался с ним уже не для здешнего мира». Удивительно, но и в этом Божий перст. Пушкин умирает на руках Даля. Увы! Медицина бессильна.

После смерти поэта получает от вдовы простреленный сюртук «выползину» и перстень — талисман. Это про него в письме В.Ф. Одоевскому Даль писал: «Как гляну на него (перстень), так и пробежит по мне искорка с ног до головы и хочется приняться за что-нибудь порядочное». Впоследствии

он составит ценные записки об А. С. Пушкине, вспоминая в них и встречу в Оренбурге, свои впечатления о «нежданном и нечаянном госте»¹².

Народы России высоко чтят память выдающихся деятелей отечественной культуры. В XIX веке написана икона, на которой Пушкин и Даль изображены в виде святых Косьмы и Доминиана. В XX веке (1998) в Оренбурге воздвигнут монумент: прогуливаются Пушкин и Даль, увлеченно беседуют приятели и будто уверенной походкой направляются в будущее, в XXI век.

В честь В. И. Даля в Санкт-Петербурге есть лишь скромная доска (2004) на здании бывшего Министерства внутренних дел (пл. Островского дом 11), где он много лет жил и трудился. Зато рядом появился «Дворник». То ли охраняет теперешний Жилищный комитет, то ли что-то хочет напомнить. А может, то и другое. Видно, пришлось и ему вмешаться... «Дворник продолжает вое дело...» (рассказ «Петербургский дворник»). Да, монументом город Владимира Ивановича Даля не удостоил.

В тридцатые — сороковые годы писатель, продолжая работать над Словарём, печатается в «Отечественных записках». Он очень энергичен: организует в Оренбурге зоологический музей, собирает коллекции флоры и фауны, публикует статьи по вопросам медицины, пишет учебники зоологии (1847), ботаники (1849). В 1838 году Академия наук избирает В. И. Даля членом — корреспондентом по отделению естественных наук, а после участия в бесславно окончившемся хивинском походе, появятся «Письма к друзьям из похода в Хиву».

Где только не проявлялась творческая натура! На все руки он был мастер. Так, когда приятель — художник Сапожников — нарисовал 51 карикатуру из быта петербургских немцев, Владимир Иванович легко написал к ним текст и родились «Похождения Виольдамура». Из-под его пера выходит и фантастическая драма «Ночь на распутье, или Утро вечера мудренее», на которую обратил внимание даже М. И. Глинка.

В 1841–1849 гг. Даль служит в Петербурге, поднявшись по служебной лестнице от личного секретаря до заведующего Особой канцелярией, при товарище министра уделов, министре внутренних дел Л. А. Перовском. Служба оказывается сложной и изнурительной. Он живет в том же доме, где и работает.

В 40-е годы XIX века в петербургской период жизни Даль тесно сотрудничает с «Отечественными записками» А. Краевского. Несмотря на огромную занятость, его имя, работы можно увидеть в разных разделах журнала, начиная с «Наук и художеств» и «Библиографической хроники» до раздела «Словесность», в котором печатаются повести.

У Даля на знаменитых «четвергах» можно было встретить цвет интеллигенции: художника и поэта Шевченко, писателей Григоровича и Одоевского, врача Пирогова, актера Щепкина, полярных исследователей Врангеля, Литке, натуралиста Бэра. А идея создания Русского географического общества возникла как раз на одном из «четвергов». В 1845 году оно было открыто, одним из двенадцати его учредителей был Даль. Принимает он участие и в составлении городского уложения Петербурга, о чём далеко не всем известно.

В. И. Даль, продолжая работать над будущим Словарём, достаточно много пишет в жанре физиологического очерка. В. Г. Белинский увидит в очерках «живую, внутреннюю верность действительности», а автора назовет «живой статистикой русского народонаселения». Только к 50-м годам очерк будет вытеснен коротким рассказом — зарисовкой. Позже рассказы объединятся в циклы «Картины из русского быта». Выходят публикации и в «Морском сборнике». Размышляет писатель и о воспитании, печатает статьи о народных верованиях. Однако писательство вновь в Петербурге приносит серьёзные неприятности. Так в 1848 г. в рассказе «Ворожейка» цензурой был замечен «намёк на обычное будто бы бездействие начальства», и перед Далем опять встаёт выбор: «писать — так не служить, служить — так не писать». К тому же служба тяготит, здоровье подорвано. И в такой момент жизни, когда «времена шатки», приходится В. И. Далю «беречь шапки», он переводится в Нижний Новгород, куда покровитель отпускает его с большой неохотой.

С 1849 по 1859 годы служит Владимир Иванович управляющим Нижегородской удельной конторы: это большое понижение, но совершенно добровольное. Именно там он, можно сказать, живет с народом, помогая ему всем, чем может, все-таки изредка пописывая. Даль по-прежнему разрабатывает тему бесправия человека из народа перед законом, перед устоями общества, пишет статьи о языке. В 1853 году выходит сборник «Матросские досуги», созданный по просьбе Великого Князя Константина. Любопытно, что Даль просит прислать ему всего лишь 20 экземпляров, а остальные предлагает раздать нижним чинам бесплатно. «Ваше превосходительство» Владимир Иванович Даль был бескорыстным, неподкупным человеком, его давно уже прозвали «правдивым» за честность. Если же было крайне необходимо, нужно было пробить бюрократические препоны, Владимир Иванович обращался в Петербург к Перовскому, непременно высказывая своё мнение. Он предпочитает бороться реально, помогать делом: даёт деньги на строительство больницы для крестьян и училища для девочек.

Что касается общественно-политических взглядов Даля, то, судя по его работам, он приверженец монархизма, в быту дружен со многими славянофилами, но их убеждений не разделяет. В то же время, прочитав о славянах Далях в Дании, испытывает счастье. «Надо было видеть восторг Владимира Ивановича при этом известии!» (П. И. Мельников).

Писатель свои произведения предпочитает передавать в журналы разной направленности. Их там с удовольствием печатают. Сегодня многое из его взглядов кажется спорным, иногда наивным, даже неверным. Сложным путем шел Даль и к православию. К закату дней увлекся учением шведского духовидца Сведенборга, интересуясь его видениями о состоянии человеческих душ, его толкованиями Святого писания...

Еще И. С. Тургенев отмечает, что «русского человека он знает, как свой карман, как свои пять пальцев». Даль демократ признаёт, уважает человека любой национальности. В его очерке «Что такое отчизна» читаем: «Все эти губернии, области и народы разноязычные составляют Русскую землю;

всех их бережёт царь Русский; все подданные ... должны стоять друг за друга, за землю, за родину «Поколе все дружно стоят заодно, никто их не осилит, никто не обидит...»¹³. Насколько верными, провидческими оказались эти слова — показала история нашего государства.

Писатель, философ всегда бесстрашно, «прямо и правдиво» высказывал своё мнение в печати, не боясь повредить себе в глазах общественности. Так, в письме к издателю А. И. Кошелеву, он выступает, как ни странно, противником обучения крестьян, (не подготовлена почва для дальнейшего их развития), мудро рассуждает и о морали, и о законах в стране. Много из того и сегодня актуально, времени не подвластно: «кто говорит, что у нас нет ничего нужного и что все надо перекорчевать по-заморскому, тот не знает своего отечества, говорит наобум и вредит этим много.

Кто утверждает, будто бы все то прекрасно, что наше, и потому именно хорошо. обольщен самолюбием... морочит себя и других, вредит этим своему отечеству.

Кто с умыслом скрывает худое... которое не умеет или не в силах исправить, тот предатель.

...не изучив по крайней мере ... себя самого и своих, со всею обстановкою, нельзя приступить ни к каким преобразованиям, ни улучшениям...

Даруй, Господи, долголетие и благоденствие Правительству, которое дозволяет говорить правду и стоять за неё. Одна только гласность может исцелить нас от гнусных пороков лжи, обмана и взяточничества и от обычая зажимать обиженному рот и доносить, что все благополучно. В этом смысле у нас должна возродиться и русская община, мир; он обязан клеймить опалую и позором негодяев, сымать с них шапки и гонять с базару, чтобы им нигде нельзя было показать глаз»¹⁴.

Сегодня трудно себе представить, что и такие чиновники были в России. К глубокому сожалению, кроме Словаря, наши современники почти не знают других трудов даровитого писателя: «... беллетристом собственно Даль не был, на лавры художника притязаний не заявлял, а его рассказы — скорее страницы из записной книжки путешественника, этнографа, филолога, любителя и знатока каждого проявления жизни в языке и языка в жизни»¹⁵. Есть и такая точка зрения.

Эрудиция, и конечно, филологический дар унаследован им от родных, прежде всего от отца, «врача русской службы, сверх нескольких новых языков, знавшего и греческий, и латинский, и еврейский»¹⁶. Талант литератора В. И. Даля по заслугам оценен в XIX веке Белинским, Гоголем, Тургеневым, а книги его были тогда доступны широкому кругу читателей. Выходили в свет и собрания сочинений, последнее — в 90-е годы XIX века, десяти томное. Советская же власть не удосужила его своим вниманием. В 90-е годы XX века была предпринята попытка издания восьмитомника. Но издание так и не завершено до сих пор. Вышли в свет только первые четыре тома. Обидно за державу!

Но живет и верно служит «Толковый словарь живого великорусского языка», он по-прежнему в чести. «Великорусского», потому, что в словаре

нет «малорусских», «белорусских» наречий, церковного языка. Живой потому, что охватывает все, что среди «нынешнего великорусского народа можно услышать или прочитать...» В сущности, этот Словарь — энциклопедия русского народа XIX века, хотя больше крестьянская, а не только лексикографический труд.

В 1859 году из-за трений с губернатором А. Н. Муравьевым В. И. Даль переводится в департамент уделов. В ближайшие годы он выходит в отставку, уезжает из Нижнего Новгорода в Москву, поселяется наконец в собственном доме.

60-е годы XIX века поистине становятся годами сбора лавров и завершения больших работ. Лексикографу, писателю присуждена Золотая Константиновская медаль за первые выпуски Словаря (в 1863–1866 гг. Словарь издан полностью).

Александр II жалует В. И. Далю орденскую ленту. Выходит в свет сборник «Пословицы русского народа». В 1868 году он становится почетным членом Академии наук, в 1869–70 гг. ему присуждены за словарь Ломоносовская и Геймбюргера (из Дерпта) премии.

В эти годы писатель живет в доме у Пресненских прудов на небольшом холме, за домом — прекрасный парк, несколько многовековых лип. Дом Даля, 1780 года рождения, который стоит и поныне, теперь принадлежит издательско-торговому центру «Марка», а несколько комнат отданы музейным фондам. Он пережил и повидал многое, уцелел во время пожара войны 1812 года, чудесно спасен в 1942 году, когда рядом с особняком упала, но не взорвалась фугаска. Не взорвалась она по той причине, что вместо взрывчатки чья-то добрая рука вложила чешско-русский словарь. Невероятно, но факт!

Именно в этом доме на Пресне (теперь Большая Грузинская, д. 4/6) известный писатель, действительный статский советник, завершает свои труды и плодотворно работает последние тринадцать лет на благо России.

Побывал в Доме Даля и Дмитрий Сергеевич Лихачев, он написал на бланке Института русской литературы (Пушкинский дом): «Сохранить русский язык — это сейчас самая важная задача русской культуры. Сохранить можно только с помощью словарей русского языка и в первую очередь — словаря Даля. Пользоваться словарями нужно приучать детей с самого раннего возраста. И на примере Владимира Ивановича Даля — учить детей любить свой язык! Если датчанин Даль так любил русский язык, что посвятил ему свою жизнь, то как же сильно должны мы любить русский язык! Дм. Лихачев. 18.1.1996»¹⁷.

Время показало, что не национальность определяет принадлежность к тому или иному народу, а дух, дела, полезность. В одном из писем к немецкому этнографу Августу фон Хакстхаузену В. И. Даль отмечает: «Я знаю Россию очевидно лучше, чем кто-либо в Европе» (Studien II:332)¹⁸.

В московском доме часто бывали деятели русской истории и культуры: М. П. Погодин, А. Ф. Вельтман, С. Т. Аксаков с сыновьями, А. Ф. Писемский, В. Г. Перов и другие. Незадолго до смерти, в конце 1871 года, П. М. Третьяков, меценат и владелец галереи, заказывает портрет Владимира Ивановича В. Г. Серову. Портрет находится в Третьяковской галерее.

Кисть мастера запечатлела Владимира Ивановича на склоне лет. Похоронен Даль на Ваганьковском.

Мало кому известно, что Владимир Иванович и его жена Екатерина Львовна в последние годы жизни интересовались детской литературой, у них появились внуки. Жена Екатерина Львовна, близкая мужу по духу, разделявшая его взгляды, интересы, мысли, записывавшая и прежде сказки, стала тоже писать. По мере того, как подрастали внуки, появлялись «Первинки», «Крошки», «Новые крошки» — очень простенькие и доступные, а потом — и «Картины из быта русских детей», которые отдельными книгами вышли в свет только после смерти обоих Дале и никогда не переиздавались, хотя представляют большой интерес и совсем не только с этнографической точки зрения...

Бесспорно, имя Даля славно не только Словарём, навсегда сроднившим автора с русским народом и его душой, а еще очень многими талантами.

В. И. Даль стоит в галерее тех личностей, которые совершили переворот в России XIX века, отдав все свои труды, душу, сердце Отечеству. «Первым в этом ряду несомненно, имя русского гения Александра Сергеевича Пушкина. Рядом ... на скрижалях русской культуры начертано имя В. И. Даля, русского Леонардо да Винчи»¹⁹. В. П. Нерознак.

Не пришло ли время по достоинству оценить вклад Владимира Ивановича Даля в культуру России, которую он по праву считал своим Отечеством...

Примечания

1. Владимир Даль. Казак Луганский. Критико-биографический очерк П. И. Мельникова. Гл. VIII, LIV. Т. 1, «Столица», 1995.
2. «Детский отдых» Биографический очерк. Из дневника гардемарина». Январь 1895. С. 83–100.
3. Аксаков И. С. Речь о А. Ф. Гильфердинге, В. И. Дале и К. И. Невоструеве. Сочинения. Т. 7, 1887. С. 784–794.
4. Там же.
5. Записки Императорской Академии Наук, 1873. Т. 22, стр. 262.
6. «Русский архив», 1872, с. 2248.
7. «Русский архив», 1879 № 7 с. 85.
8. Там же.
9. «Русская старина», 1885, февраль. С. 292 «Посмертные записки».
10. «Русский архив», 1872 с. 2250.
11. «Русские вести», 1879, № 7, с. 96.
12. Пушкин в воспоминаниях современников. «Академический проект» СПб. 1998. Т. 2, с. 258–268.
13. Полное собрание сочинение В. Даля в 10 томах. СПб., 1897–1898.
14. В. И. Даль и общество любителей российской словесности. В. И. Даль. Письмо к издателю А. И. Кошелеву. «Златоуст», СПб. 2002. С. 270.
15. В. И. Даль. К 100-летию рождения. Д. П. Шестаков. Чтения в обществе любителей русской словесности. Казань, 1901.
16. Там же.
17. В. И. Даль и ОЛРС В. М. Коломцева. В доме Даля сегодня. «Златоуст», СПб. 2002. С. 158.
18. В. И. Даль и ОЛРС. В. П. Нерознак. Новые материалы к биографии В. И. Даля. «Златоуст», СПб. 2002. С. 213, 220.
19. В. И. Даль и ОЛРС В. П. Нерознак. Новые материалы к биографии В. И. Даля. «Златоуст», СПб. 2002. С. 213, 220.